

Государственное учреждение образования
«Лельчицкая районная гимназия»

Республиканский конкурс «Дорогами памяти»
Номинация «История войны в лицах»

Подготовила учащаяся 11 «Б» класса
Лельчицкой районной гимназии
Хамутовская Диана

Руководитель учитель истории
Лисицкий Владимир Васильевич

Лельчицы 2018

Война – это самое страшное, что может случиться в жизни каждого человека. Война – как много в этом слове. Любой может сказать определение этого слова, но сказать, что такое настоящая война может лишь только тот, кто видел собственными глазами войну и её последствия. Одно лишь слово несет в себе массу страха, боли, криков людей, потерь близких людей и миллионы солдат стоявших за жизнь всех поколений.

В моей семье так же были те, кто дал бы определение слову война. Например: Хамутовская Антонина Станиславовна (бывшая узница фашистского лагеря). Сейчас вы прочтёте её большую историю.

– Я родилась в глухой полесской деревушке в Лельчицком районе, в деревне „Забродье”, среди 4-х детей была самой старшей. В 1933 году отца репрессировали, и больше мы его никогда не видели, скорее всего, он был расстрелян, – не может сдержать слез Антонина Станиславовна. – Вскоре умерла мать, и перед лицом войны мы остались одни. Было известно, что немцы приближаются к нам. Тогда все люди побежали в лес, после по радио объявили, что можно возвращаться из лесу и нас не тронут, некоторые всё же остались в лесу, а мы вернулись.

В 1943 году нас насильно угнали в Германию, мне было 17 лет. А те, кто остался в лесу, к окончанию войны, построили себе различные халупки. Около 80 км мы шли пешком до Мозыря. Немцы на мотоциклах или пешком с собаками рядом. Людей, которые падали и не могли идти, немцы расстреливали их незамедлительно. Поэтому либо идёшь, либо... Выхода не было. Люди, которые остались, похоронили тех, кто не дошёл до Мозыря. Когда мы дошли до Мозыря, то все упали на холодную землю и лежали, смотря на небо, облака, звёзды. У меня было байковое одеяло и ковдра. Я простелила одеяло на землю, а ковдрой мы укрылись. Лежали люди как можно ближе друг к другу, чтобы было теплее. Так мы переночевали. Никто не знал, что будет дальше...

Немцы гонят нас на железнодорожную платформу. Всех людей загоняют в товарные вагоны. На весь вагон сверху по два маленьких окошка. Тогда в суматохе потерялся один из братьев - Павел, остальных – 10-летнюю Мальвину и 7-летнего Людвигу – я смогла втолкнуть перед собой в вагон, решив, что Павлик ползет в вагон вслед за нами. Слышно, как закрывают вагоны, и поезд пошел. Павлика в поезде не оказалось. Не думала, что когда-нибудь увижу Павла снова, но мы встретились после окончания войны на пепелище, оставшемся от нашего дома. Как подумаю, как везли, как становили на огонь... В холод бросает...

Завезли нас немцы в Польшу. Снова начали нас гнать. Вижу, поле, а на поле стоит здание и труба большая, а с той трубы чёрный дым валит. Нас туда, в то помещение. Сказали: раздевайтесь и на веса. Мы разделась и стоим один напротив второго. Слышу, как женщины начали шептаться, что нас будут отпускать в огонь. А там такая котельня, жар такой красный. Ужас. Снова слышу, что нас будут туда отпускать, нажмут на кнопку и сварят как картошку. Стоим, дрожим, видим всё это пекло. Приходит немец и говорит,

что можно одеваться. Оделись мы и нас снова повели. Везли нас через город Грац, Дойчланд и оказалась я в Австрии.

Привезли нас на какой-то полустанок поздно ночью и начали выгружать. Люди шли через рвы, канавы и пришли в большой лагерь. Темно, холодно, хотелось пить. Мы ножиками рыли землю и цедили оттуда воду. Немного уже позабывала, вылетело из головы, но ты пиши, пиши – говорит мне моя прабабушка.

Приехали в тот лагерь, а потом приехали баворы и забрали нас на работу, чтобы на них работали. Тех детей, у которых были родители, тех позабিরали. А нас троих Мальвину, Людвиг и меня забрала бавора дочка. Я и Людвиг были у неё, а Мальвину забрала другая хозяйка, она жила рядом, по соседству. У меня хозяева были чистоплотные. Хозяин был в России 3 года и умел немного говорить по-русски, „швэрдэкал”, как я сейчас. Рассказывает, например: ведро-это эмпа. Ну такой, говорил что говорить по-русски я немного умею. Мальвине с хозяйкой не повезло, ей только 10 лет было, за ней нужно ухаживать, а хозяйка – грязная вся. Одним словом - неряха. Придёт бедная Мальвина ко мне после работы, так я её помою, расчешу, заплету. Ужас...

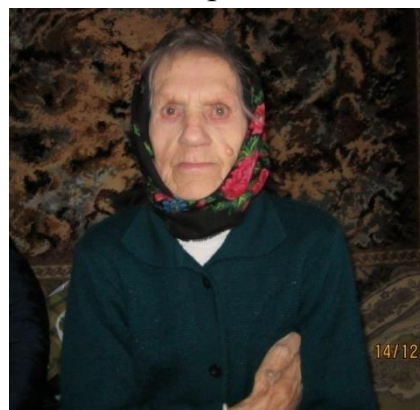
Моя хозяйка до обеда идёт в костёл, а после обеда даёт стирку. Так я до обеда работаю, а после обеда стираю. После начали слать на работу, ходили, сапали, косили, убирали, сушили. Худобу кормила я. Там было 2 украинца. Так один остался, а второй сбежал. Я доила три коровы и смотрела за двумя быками. Два вола смотрел хозяин он чистил и убирал. Потом на работу ходили: сапали лес. Рядом едут по лугу, по дороге немцы. И трактор идёт, всё косят и косят. В лесу не найдёшь ни одной щепочки, а ели что-нибудь найдём: все трески и щепки вяжем в пучки, чтобы потом затопить помещение. Хлеб пекла сама хозяйка и булки баворша пекла. Хлеб давала, а булок мы не видели. Свиной много держала, около шести штук, но мы и свинины не видели. За свиньями они тоже сами убирали, хотя что там убирать. Ах... Подвезёт бавор трактор, включит мотор и понесло в трактор, а потом в поле вывезет и растрясет. Да, в лесу было трудно, нужно было косить, а на поле. Кукурузу полями сей, потом убирай. Всю кучу надо было выбрать и почистить до 20:00. Работали...

Но кормили нас 5 раз. Понемногу. Утром и вечером (на завтрак и на ужин) давали кукурузной каши маленькую чашечку. На полдник два кусочка хлеба. Один намазан вареньем и слеплен вторым куском или жиром свиным мазала. Ещё два раза салат давала, она его насадит в огороде, а потом даёт. Просыпалась в 6 часов, будили, Тони подъём, арбэтэн. Так и прожила два года...

Когда наша армия подходила к Австрии, то хозяева мне дали еду в узел и сказали, что ваши идут, ждите, а сами хозяйка с хозяином ушли с деревни, спрятались. Пришли наши, посадили в вагоны и отправили на Родину.

Приехали мы в деревню „Забродье”, а там пепелище. Дядя отдал нам свою землянку, потому что мы были сироты. В землянке были одни двери и маленькое окно. На полу песок и маленькая печка. Начали обустраивать нашу землянку. Наносили глины и утробовали на пол. Собрали кирпичей и сделали новую печь. Смастерили столик, а вокруг стола две лавочки. Поставили большое окно. Утром встану и сразу за работу: начинаю шить. Швейной машинки не было, а шить умела, поэтому люди приносили и просили перешивать. Кому кофту, кому юбку, кому платье. Шила то, что просили. В обмен они давали еду. Пока я шью, Мальвина чистит очень маленькую картошку. Надерёт на драчку, процедит и лепим клёцки. Жира не было, так брали лён. Лён толкли, поджаривали, просевали через сито, а после обваливали льном клёцки. Он пах, как аллеи. Придумывали, чтобы было вкусно. Семья большая - надо было выживать... Устроились в колхоз: Павлика устроила складовщиком, а я ходила на работу, какую попадёт, что говорили, то и делала. Из колхоза в карманах приносили то просо, то лён, то пшено. Начали варить каши. Обжились немного. Колхоз собрал собрание и всё члены управления выделили нам домик на ферме, где ночевал сторож. Разобрали, разложили и перевезли. Снова сложили и накрыли. Печь сделали большую, можно было уже греться. Так у нас появился свой дом...

Люди стали вербоваться на целину, давали помощь по 200 рублей на душу. Я с сестрой тоже получила помощь. Вышло 400 рублей. Мы купили материал и я начала шить. Пошила себе и Мальвине платье, носки, платки и балетовые тапки. Собрались и поехали на цельные земли. Там было хорошо. Белого хлеба - сколько хочешь, а чёрного не было, только пшеничный. Картошки там тоже не было. С утра шли на работу, а к вечеру приходили. Работали в полях. Завели хозяйство: свиней, кур, гусей. Корма было много. А нашим людям - лес подавай! Грибов, ягод захотелось. Начали уезжать домой. Мальвина тоже уехала, а я осталась. Да пошла за тот дурной замуж. Прожила с ним 4 месяца, а потом он поехал продавать свинью и не вернулся. Решила ехать домой, на Родину. Потому что была беременна. Приехала в „Забродье” и родила своего сына Юзика (по паспорту Иосиф)...

Когда ему было полтора года Виктор забрал меня к себе в деревню Усов. У него умерла жена Лекса, заболела, остался он с двумя детьми. Анной 3 годика и Виктором 5 лет. В его доме жил его папа Антон. Когда Витя ездил за мной, дети спросили: „Папа, ты лопату взял, маму откопать?” Виктор ответил, что взял. Когда я приехала в Усов, то Аня вцепилась в меня и сказала, что это моя мама. Виктор понимал, что я не родная мать, поэтому часто не слушал меня. Аня, наоборот, была моей помощницей. Семья

Виктора была не из бедных. Было и сало, и мясо, и мёд. На то время это имели не бедные люди. Моя жизнь облегчилась. Дети росли, а мы работали и старели. Так и жили...

Антонина Станиславовна умерла 2 ноября 2017 года. Рассказ был записан 24 апреля 2017 года.

Я хочу, чтобы люди задумались о тех войнах, которые мы видим сейчас. Задумались о том, что мы не должны допустить еще одной войны и доказать героям-солдатам, что они не зря полегли в землю, что не зря их кровью пропитана почва! Но самое ужасное то, что война никому не оставляет выбора: воевать или нет — за своих граждан решает государство. И уже не важно, поддерживают жители такое решение или нет. Война затрагивает всех. Многие пытаются убежать от войны. Но разве бегство безболезненно? Людям приходится покидать родные места, бросать дома, не зная, удастся ли когда-нибудь вернуться к прежней жизни. Какой будет жизнь после войны? Я хочу, чтобы каждый помнил, какой ценой досталась эта нелегкая Победа и тот мир над головой, который сейчас у нас есть, который нужно ценить и беречь!

Заявка

№ п.п.	Наименование работы	Учреждение образования	Ф.И.О. автора работы, возраст, класс	Ф.И.О. руководителя, должность, контактный телефон
1.	Республиканский конкурс «Дорогами памяти». Номинация «История войны в лицах»	ГУО «Лельчицкая районная гимназия» г.п.Лельчицы, ул.Победы 33 5-34-89	Хамутовская Диана, 16 лет, 11 «Б» класс	Лисицкий Владимир Васильевич, учитель истории +375444653265